

Академия
ВЕСНЫ

Ксюша Левина

Ксюша Левина

Академия
ВЕСНЫ

ПЕРЕД ПРОЛОГОМ

Рейв Хейз. За неделю до начала учебного года

Машина отца тормозит у самого крыльца, поднимая в воздух пыль. Кажется, что колеса дымят, но проходит пара секунд — и она снова клубится, теперь уже под подошвами мужских ботинок. Подходит к концу слишком засушливое, жаркое лето, которое прожгло землю, и мы все чахнем, таская по ней свои унылые тела.

Я вижу, как двери распахиваются, как с заднего сиденья вытаскивают девочку и она вскидывает голову. Невысокая, тонкая, хрупкая. Лет восемнадцать, не больше. Длинные лохматые волосы до самой поясницы и яростный визг. Она поражает с первого взгляда, прежде всего тем, что смотрится посреди ухоженной лужайки дома Хейзов как одичавшая неряшливая роза на покрытой клевером идеальной пустоши.

Можно представить, что девочка знает о моем существовании и намеренно смотрит на окна второго этажа, за которыми я стою, сжимая подоконник до побелевших костяшек пальцев. Но на ее глазах повязка, и это маловероятно. Она будто чувствует мое присутствие и продолжает торчать на лужайке, задрав голову, пока ее не дергают в сторону крыльца.

Отталкиваюсь от подоконника и выхожу из комнаты. Мимо испуганных прихвостней отца и блеющей что-то уборщицы. Все взволнованы и напуганы. Останавливаюсь на верхней ступеньке лестницы, там, где проходит граница света и тени, — меня никто не сможет увидеть с первого этажа. Дальше шагнуть не получится: отцом выставлена защита, которая мне не по зубам. Я могу только смотреть и слушать. Или выйти в окно, если пожелаю. Туда путь свободен всегда.

Девчонку затаскивают в холл. На запястье сверкает серебряный браслет, блокирующий ее магию. Она в летнем белом платье и босоножках, не по траминерской почти осенней погоде. И я могу увидеть такое же «украшение» на щиколотке. Либо пленница очень сильна, либо отец и его шайка стали слишком трусливы. Руки нашей гостьи украшены тонкими золотыми цепочками, фенечками, каменными бусинами-артефактами. У нее потекла тушь и на щеках остались длинные черные разводы, будто шрамы. Алая помада смазалась, запачкала зубы, будто они только что вонзались в шеи обидчиков и разрывали артерии.

Девчонка кричит, рычит, утверждает, что всех уничтожит. И на браслеты уже нет надежды: тот, что на запястье, сверкает и сыплет искрами, опалая пушистый ворс винтажных ковров, а по щиколотке к пятке стекает тонкая струйка крови. Пленница ярится так, что взрываются антикварные вазы. Она подбирает самые отборные словечки, какие только существуют в траминерском, дорнийском или аркаимском языках. Мне остается только смотреть, как люди отца пытаются усмирить *Брайт Мэсон*. Сжимаю пальцы и чувствую, как между ними потрескивает магия. Мне ни к чему вставать на защиту иной, это вообще не мое дело.

Девчонка не может колдовать. Не может видеть. Не может ничего сделать, чтобы себя защитить. Но она

сгусток отчаянной дикой энергии, и это впечатляет, шокирует, как первое откровение. Первый порножурнал, первая рок-баллада, первый выход в открытое море.

Ей на шею накидывают пару амулетов, сделав совершенно послушной, а через час на пороге дома появляется Блэк Мэсон. Ее отец. Он рыдает. Он соглашается работать на Траминер.

Смешно, как ловко отец все придумал. Он заманил Мэсона слезливой историей про умирающих детей, твердил, что стране нужен спаситель, нужно лекарство, волшебная пилюля, которая спасет от вымирания целую расу магов земли, а в итоге берет в заложники и доктора, и его дочь, а единственная благодарность за сотрудничество от Траминера — шанс для этих двоих выжить. Это все большой обман, так типично для Ордена Пяти, что уже набило оскомину.

Брайт Мэсон сидит прямо на полу, посреди комнаты, скрестив ноги, с совершенно ровной спиной и гордо вскинутым подбородком. Это впечатляет. Мой отец смотрит на нее со смесью презрения и восхищения. Да что там, все так смотрят. Ее отец молит о прощении.

— Па, все нормально. Справимся, — холодно бросает она в ответ на его рыдания.

И даже у бывалых прихвостней отца от этого уверенного спокойного голоса дергаются головы. Им всем неуютно. А я улыбаюсь.

Рейв Хейз. За пять дней до начала учебного года

Два дня назад Брайт Мэсон официально стала заложницей Ордена Пяти и обещала вести себя смирно. Выбора у нее, в общем-то, не много: если она сбежит, ее отца немедленно убьют.

Орден давно объявил себя вне закона. Их глава — мэр Бовале, а остальные четыре лидера — влиятельнейшие люди. В Орден входит не больше сотни семей, своеобразная траминерская элита. Говорят, их цель — помочь истинным выжить во враждебном для них мире, остановить вымирание самой древней, но самой слабой расы магов земли. Поверим на слово. Еще ходит слух, что верхушка Ордена метит в правительство страны, чтобы продвигать свои расистские идеи в массы. Охотно верю! Ну и конечно, первейшая цель Ордена — спасти от страшной болезни чистокровных траминерских детей. А вот на это я очень надеюсь.

Глава Ордена уверен, что все траминерцы на его стороне, но на самом деле даже я, его родной сын, уже сомневаюсь, что цель оправдывает средства. Заманить в страну именитого талантливого ученого и взять в заложники его дочь — это уже точка невозврата, и я все больше сомневаюсь, что Стерн Хейз не безумец.

Брайт держат в северном крыле дома, в узкой часовой башне как раз напротив той, где расположены мои комнаты. Там, под самой крышей, всего одна неширокая спальня. Говорят, девчонка больше не кричит, не колотит в дверь, не требует выпустить ее, не объявляет голодовку, как было первое время. Она спокойно ест, мило со всеми разговаривает. Слушает музыку на полную громкость и делает вид, что приехала на курорт. Удивительное создание, которое бесит моего отца, но, что самое странное, она его пугает, а я никогда не слышал, чтобы кто-либо вызвал в Стерне Хейзе хоть какую-то эмоцию, кроме злости.

Меня это прямо-таки восхищает. Всякий раз, как слышу от кого-то из прислуги очередную сплетню про Брайт Масон, это неминуемо вызывает во мне

приступ смеха. Ужасно интересно, что она собой представляет на самом деле, потому что горничные ее буквально боготворят. Кажется, весь дом стоит на ушах, ведутся споры, кто понесет странной пленнице завтрак. Я слышал, что она помадой написала на стене в своей комнате: «Хейз — старый козел». Потрясающе.

Мало кто знает — точнее, я более чем уверен, что знаю только я, — но на самом деле девчонка не сидит в заточении. Из своей спальни я могу наблюдать за тем, как каждую ночь Мэсон высовывается из окна. Я не знаю, что у нее за магия, но высота пятого этажа ей не помеха. Тело мгновенно трансформируется в сгусток черного дыма, обрастает перьями, и Брайт Мэсон улетает. Но всегда возвращается. Каждую ночь. Тут ее отец, и она ему, очевидно, предана.

Рейв Хейз. За день до начала учебного года

Это становится доброй традицией — в полночь стоять у подоконника и наблюдать за часовой башней, в которой держат нашу «гостью». Минута в минуту окно напротив открывается и оттуда показывается лохматая макушка Брайт Мэсон. Она смотрит по сторонам, потом садится на подоконник, поправляет складки своего летнего сарафана, потягивается, будто ото сна. Подставляет лицо прохладному, просоленному из-за близости океана ветру и даже улыбается, прикрыв глаза. Сидит так пару минут. Это почти привычный ритуал. А потом прыгает вниз, у самой земли обращаясь черной птицей.

— Сегодня плохой день для полетов, Мэсон... — успеваю шепнуть я, прежде чем за спиной распахивается дверь, а сердце тревожно сжимается в предвкушении охоты.

— Пора, — сообщает Листан Прето. — Какая-то странная иная шастает по Бовале. Твой отец велел ее припугнуть. Есть идеи, кто это может быть?

— Нет, — сухо отвечаю и искоса поглядываю на Прето. Я знал, что так будет, но предупредить Масон не было никакой возможности. И надобности. Она мой враг. Она иная. Я по своей природе не должен ни думать о ней, ни жалеть ее.

Траминер — родина магов земли и только их, но много столетий назад все пошло к чертям, когда первый чужеродный источник силы — кажется, это была вода, если верить легендам, — оказался в наших краях. И иные потянулись к нам отовсюду. Маги огня, воздуха, оборотни всех возможных видов — их развелось столько, что на пальцах руки не пересчитать. Их легко узнать: цвет радужки, волос — они все разные. Огненные с желтыми птичьими глазами, оборотни с черными, синеглазые маги воды. Все очень и очень просто.

Им у нас нравилось. Много работы, много денег. Иные — нищие работяги радостно переезжали, чтобы трудиться на нашу аристократию, никогда не любившую пачкать руки, — и вот к чему это привело. Не прошло и пары сотен лет, а чистокровных истинных на весь Траминер не найти и ста семей, в то время как иной сброд живет и процветает. Их все больше, они всё сильнее и влиятельнее. Их дети учатся в наших школах и академиях.

Говорят, скоро это закончится. Говорят, они уйдут и всё станет как прежде. Говорят, я должен их ненавидеть, и это единственный правильный выход. А еще говорят, Брайт Масон стоит ненавидеть в первую очередь. За пять дней она порядком надоела моему отцу, и он не намерен больше терпеть ее в особняке, так что завтра Масон пойдет в ту же Академию, что и я. Окажется под присмотром преподавателей

и истинных студентов, где быстро научится правилам жизни в Траминере.

— Идем?

Листан улыбается, он обожает охоту. Тяну время, нарочито долго вожусь с блистером таблеток, залпом выпиваю весь стакан воды и убираю все со стола.

— Ты в норме? — Листан за моей спиной насто-роженно замирает.

— Да. Да... Лекарство выпил?

— Конечно. — Он явно не понимает, чего я жду, и скоро начнет задавать вопросы.

Спускаемся, на ходу поправляя усилители магии. Чтобы тягаться с некоторыми иными, нам нужно хорошенько подготовиться. Мы сильное поколение, по крайней мере в отличие от наших родителей, но и этого порой недостаточно. На стороне иных... да черт его знает, почему им так повезло.

Внизу ждут парни, стоят на крыльце, хохочут над чем-то. Фандер Хардин кажется сегодня особенно кровожадным. Якобин Блауэр, напротив, притихшим и серьезным. Он давно разочаровался в курсе, который неофициально взял Орден, желая выжить из Траминера иных. А еще Блауэр устал быть чьим-то цепным псом. Когда-то нам казалось, что это весело.

— Ну что? Делаем ставки, кто это осмелел? Надеюсь, что Нока, притащу ее своему братцу, — хохочет Фандер.

Он ненавидит иных, особенно потому что его младший брат с ними якшается.

— Нимея Нока? — вскидывает брови Листан. Он презирает иных, но никогда не вступает в открытый конфликт, считая себя выше этого. — Я думал, твоя семья терпима к семье Нока.

Ледяная усмешка Листана приводит Фандера в бешенство.

— Заткнись, Прето, — рычит он. — Мы не имеем ничего общего с иными.

— Кроме постельных развлечений твоего брата, — ухмыляется Листан.

Все знают, что так оно и есть. А я знаю, что вышедшая в комендантский час девушка — это не Нимея Нока. Это Брайт Масон. Завтра она станет студенткой Академии Весны. А сегодня может стать жертвой охотников, если не будет достаточно осторожна и ее ноги коснутся земли.

Каждую ночь она возвращается в одно и то же время. Смотрю на часы и морщусь. Не успеет.

— Парни. — Отец выходит на крыльцо.

Оборачиваюсь к нему, и наши взгляды пересекаются.

— Припугнуть ее. Вы знаете, это для их же блага, верно?

Нет, мы на самом деле ничего не знаем, но постоянно слышим эти громкие фразы Стерна Хейза. В своих речах он утверждает, что каждый должен вернуться на свою историческую родину и только тогда будет по-настоящему счастлив. Он говорит, что комендантский час в Бовале — необходимость, потому что на улицах стало опасно из-за приближающейся революции. Что мы должны сдерживать волнения, не допускать провокаций со стороны иных и просто присматривать за порядком. Звучит крайне неубедительно.

Когда-то мы думали, что нам, мальчишкам, оказали честь, назначив охотниками и выпуская раз в неделю на улицы. Сейчас рейды стали чаще, а мне кажется, что нас просто используют, чтобы держать иных в страхе. Для отца и Ордена мы — доказательство, что маги земли не так просты, как весь мир думал, что нам есть что противопоставить иным, — но кому мы, к черту, нужны, если стоит пропустить одну

проклятую таблетку — и от дичайшей головной боли подкашиваются ноги? На этот вопрос отец мне, кажется, никогда не ответит.

— Да, сэр, — кивают парни.

Кажется, я больше не верю отцу. Кажется, я не хочу, чтобы мы нашли Брайт Масон.

— Ее видели на берегу, — неохотно команду я, пока парни готовят артефакты, блокирующие магию. Если девчонка окажется в зоне их действия, она пропала. — Сегодня мы разделимся.

— Почему, Рейв? — удивленно спрашивает Ли-стан.

— Потому что я так сказал.

Потому что хочу найти ее сам, без лишних глаз. И припугнуть, чтобы больше не совала нос на улицы Бовале, подвергая себя опасности.

ПРОЛОГ

Брайт Мэсон. За день до начала учебного года

Я бегу так быстро, как, кажется, никогда раньше не бежала. Из-под каблучков вылетают грязь и мелкие камушки. Справа простирается Таннатский океан, слева — высокая городская стена, которой нет конца и края. Ни одной улочки, ни одной ниши. Прятаться некуда.

Стоило ли оно того? Определенно. Я не готова и суток просидеть в заточении в доме проклятого Ордена, подчиняясь их тупым правилам. Но так далеко я еще никогда не заходила. Быть может, самую капельку это было опрометчиво и я должна была подумать о безопасности папы, но сейчас не время об этом рассуждать, время уносить ноги, раз уж подставилась и высунула на улицу нос.

*Шансов никаких. Меня настигают. Магия заблокирована, и я чувствую себя беспомощной, жалкой. Меня предупреждали, что **они** так умеют. Орден Пяти умеет всё.*

Во всем цивилизованном мире заблокировать чужую магию запрещено, если ты не представитель власти, а тут в этом не видят ничего особенного. Дикари!

Крепкое тело врезается в мое, сминая и прижимает к стене со всего маху. Из глаз будто звезды сыплются, затылок обжигает огнем. Я выдыхаю, шиплю и тут же начинаю царапаться, но каменею, встретившись с изумрудными радужками истинного траминерца. Они гипнотизируют и будто разом заменяют собой и океан, и небо, отчего страх пробирает до самого нутра

и колени начинают подгибаться. У них у всех эти чер-
тоты зеленые глаза, ненавижу этот цвет!

Я чувствую теплую кровь, сбегаящую по волосам
от раненого затылка к шее, и кажется, что ее запах
распространяется всюду. *Зеленоглазый* морщится, слов-
но учуял что-то мерзкое. Крепко сжимает мои руки,
коленом блокирует ноги. С его головы падает черный
капюшон, но почти сразу лицо скрывает изумрудный
туман-маскировка.

Я успеваю его увидеть. Белая кожа и белые волосы,
брови широкие, почти темные, и яркие-яркие глаза,
которые до сих пор не отпускают мои. Истинный маг.
А значит, враг. Особенно ночью. Сейчас я преступ-
ница, нарушившая условия комендантского часа, а он,
очевидно, тот самый охотник, о которых я слышала от
прислуги дома, где меня держат. Он не старше меня,
первокурсницы. Лет двадцати, может, двадцати трех,
но во взгляде уже ярость, присущая каждому истинно-
му. Она у них в крови с рождения.

— Скажи что-нибудь, чтобы я тебя отпустил. При-
думай причину, — шепчет он, и я вскидываю голову.

Истинные не дарят таких шансов. Он не должен был
это говорить. А я ничем не могу ему ответить, и от это-
го в горле пересыхает. Мне *нельзя* открывать рот. Моя
сила бурлит из-за страха и нервного напряжения и,
если заговорю, непременно вырвется наружу вводящим
в транс голосом. Никакая блокировка не спасет охот-
ника, и я не уверена, что смогу себя контролировать
настолько, чтобы не покалечить его. Я бы и рада со-
рваться, но кто знает, с какой из семей в родстве этот
холеный мальчишка и как именно накажут моего отца,
когда узнают, что его дочь шляется после комендант-
ского часа по улицам, да еще и нападает на истинных.

— Я жду, — торопит охотник, требует, чтобы я от-
вечала.

Руки больно царапаются о кирпичную стену. Мне чертовски холодно, так что тело пробирает крупная дрожь, я хочу трансформироваться, да побыстрее, потому что в облике человека я жуткая мерзлячка. Мне нужна вода, она дает силу. Если сейчас пойдет дождь, всем этим охотникам придет конец. Жаль, что, по слухам, в Траминере с июля с неба не упало и капли. А может, и к счастью, потому что тогда я бы поубивала их всех к чертям собачьим и мы с отцом точно никогда бы отсюда не выбрались. Сил моих больше нет!

Не успеваю удержать язык за зубами. Наклоняюсь вперед и, почти касаясь его уха, шепчу:

— *Ты пожалеешь, что дал мне шанс.*

Он не знает этого языка, но, услышав, отступает. Мой голос гипнотизирует его так же, как меня — его зеленые глаза. Мы оба совершенно беззащитны, но я успеваю среагировать первой. С истинного слетает маскировка, изумрудный туман рассеивается, и я снова вижу его лицо. Брови сдвинуты, челюсть напряжена. Мы стоим друг напротив друга пару секунд, пока вдалеке не становятся слышны чьи-то тяжелые шаги.

— Проваливай, — тихо говорит он. — ЖИВО!

Что-то меняется, и мои пальцы наливаются силой. Блокировку сняли, можно бежать. Дважды просить не нужно. Я разбегаюсь, и уже через секунду меня охватывает черный туман. Тело трансформируется, руки становятся черными крыльями. Улетаю так стремительно, что от резко набранной высоты берег превращается в полоску на границе с океаном. Меня подхватывают воздушные потоки, морской воздух пронзает жесткие перья.

А истинный так и смотрит в небо.

ПРОЩАЙ

ПРОЩАЙ

*Используется в качестве приветствия
при расставании надолго или навсегда.*

Утро следующего дня

Машина останавливается перед Академией, и Брайт смотрит на отца так, будто больше никогда его не увидит. Это ощущение не покидало ее всю чертову неделю и уже, кажется, срослось с кожей, осталось навсегда послекусием к каждому прощанию. Она все еще ждет, что отец рассмеется, а водитель развернется к ним со своего переднего сиденья и подует в праздничный свисток, потом воскликнет: «Розыгрыш», и они втроем лично проведут вечерок в Бовале.

Увы.

«Один семестр?» — умоляюще смотрит на отца Би.

«Я сделаю все, что от меня зависит», — с сожалением глядит в ответ Блэк.

